

Трудовой путь навсегда связал с сохранением и развитием национальной культуры коренных народов Камчатки. В 1966 г. его пригласили танцевать в ансамбль «Мэнго». Он сразу стал ведущим артистом ансамбля, ему были отданы главные партии в балетах «Мэнго» и «Эмэм Кутх». Именно он под руководством Александра Гиля играл в первом коряжском балете роль богача Иныла. За годы работы он раскрылся и как замечательный драматический актер, которому по силам серьезнейшие задачи (3).

Борис оставил яркий след в творческой жизни ансамбля «Мэнго», в котором проработал 15 лет. Он был инициативен как на сцене, так и в жизни, вероятно, это качество и помогло ему в 1980 г. вернуться в родное ительменское с. Ковран, нарушить его спокойствие и принять эстафету из рук Татьяны Гуторовой, которая вместе с Борисом Киле стояла у истоков создания ансамбля «Эльвель». Он с неизменным упорством и достоинством продолжил работу по художественному развитию ительменского фольклора (4). Придал национальному ансамблю «Эльвель» новый импульс, чтобы сберечь и возродить традиции и культуру предков, заявить о себе миру. Красивое название «Эльвель» отражает прелесть и очарование девушек и юношей, которые исполнял оригинальные постановки своего руководителя. Со своим ансамблем руководитель посетил много стран: Вьетнам, Германию, Канаду, США, Норвегию, Францию, Финляндию. В 1987 г. удалось силами участников ансамбля поставить на сцене Ковранского дома культуры спектакль «Алхалалалай». В 1988 г. при активном участии Бориса Жиркова был воссоздан ительменский осенний обрядовый праздник благодарения и очищения «Алхалалалай». Начиная с этого года, этот праздник не обходился без Бориса, ведь в главном действе праздника – обряде очищения – он всегда играл главную роль (5).

Борис Жирков, используя собранный историко-этнографический материал и рассказы старшего поколения, воссоздал утраченный стиль музыкально-хореографического искусства ительменского народа. Именно его постановки танцев стали визитной карточкой ансамбля «Эльвель». Руководимый им ансамбль познакомил весь мир с самобытной древней культурой ительменов. Классикой стали постановка многих танцев и хореографических миниатюр Бориса Жиркова.

Бориса Жиркова я знаю с детства. Он жил в с. Ковран через стенку в двухквартирном доме по соседству. Можно сказать, что я выросла на его глазах. За все время нашего дружного соседства ни разу не слышала от него плохого или громкого слова. Он был всегда открытой души человек, уважаемый всеми, болеющий за свое дело, гостеприимный и поистине добрый мужчина.

При встрече он часто улыбался, не было такого, чтобы Борис был угрюмым или хмурым, не был конфликтным и вспыльчивым по характеру. По отношению к своей маме он всегда проявлял заботу и любовь. Его взгляд, чем-то напоминающий взгляд мудрого орла, воспринимался мною как что-то необычное. К нему все хорошо относились, многие приезжие журналисты, фотографы, работники культуры, исследователи останавливались жить у него, кто на неделю, а кто и на месяц. Нередко иностранные туристы приезжали в Ковран, и квартира Бориса становилась для них вроде маленькой гостиницы. Его в селе называли «шаман», к этому он давно привык, ведь на самом деле главным действующим героем во время проведения традиционного ительменского обряда очищения являлся Борис.

Я горжусь тем, что была знакома с таким необыкновенным человеком, всю свою трудовую жизнь посвятившем возрождению ительменской культуры. Он всегда был сильным духом мужчиной, талантливым и скромным человеком.

Леонид Сысоев, Лидия Кручинина, братья Мещеряковы и другие – его ученики, держат линию необыкновенного в своем роде искусства танца ительменов: страстного, озорного, певучего.

Екатерина Гиль: «С самого начала создания “Мэнго” Борис запомнился мне как очень спокойный, очень справедливый, даже застенчивый где-то. Хотя внешне он у нас был на ампула злодеев. Помню такую картинку: Саша Гиль показывает схему развития роли, жесты, позы, мизансцены. А дальше, уже само наполнение характера героя всегда шло от Бори. Зрители шли на его выступления и говорили, что в каждом спектакле есть толика новизны, ни одного повтора. И никакой звездности за ним не замечалось» (2).

В 2001 г. за большой личный вклад в развитие национальной культуры Борис Александрович получил высокое звание – «Заслуженный работник культуры РФ». В 2010 г. Борис Жирков стал лауреатом ежегодной премии Правительства Российской Федерации «Душа России» за вклад в развитие народного творчества в номинации «Традиционная народная культура». Награжден медалью «За трудовую доблесть», имеет юбилейные медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «70 лет Корякскому Автономному округу» (6).

Казалось, что он будет жить вечно, в своем образе олицетворяя прародителя-ворона Кутха, как духовный лидер древнего народа Камчатки – ительменов.

Уход из жизни Бориса Жиркова – это непоправимая утрата и великое горе для всех жителей Камчатки. Но в памяти всех, кто знал и любил этого удивительного человека, навсегда останется его светлый образ.

Отрывок из дневника Бориса Жиркова во время зимних гастролей ансамбля «Мэнго» во Францию, Швейцарию, Монако и Бельгию:

«Снег, как у нас в начале ноября. Все холоднее, а ведь мы совсем недавно жили среди цветов. Дома завтра праздник, 23 февраля. Что делают в клубе?

Едем по длинному тоннелю. Сразу афиши. Брюссель. Высотные дома, будто все из стекла. Старинные сады. Очень много памятников. Выступали в королевском цирке. Почти полностью заполнен зрительный зал. Очень тепло встретили.

Концерт прошел нормально. Мы счастливы, если своими выступлениями укрепили дружбу между нами и послом СССР в Бельгии. Подарили ему книгу о Камчатке, сувениры.

Начало концерта в 15 часов. Концерт прошел с большим успехом, как будто выступали в Союзе. После концерта – встреча с правлением Советско-Бельгийского общества дружбы. Среди них бывшие узники концлагерей, уроженцы Украины, России, которых увезли на работу в Бельгию. Гиль даже встретил землячку с Харьковщины. Фантастика, как говорят французы! Во время концерта они плакали...

Очень тяжелые гастроли. Большие расстояния, переезды, концерты... У меня наконец-то зажила рана, которую мне натер на гастролях чаут в танце оленеводов. Все время думал о маме, ансамбле «Эльвель». Скоро у них концерт в Тигиле...» (7).

1. Лукашкина Т. П. Сказки бабушки Петровны. Петропавловск-Камчатский : Камшат, 1991. С. 9.

2. Гиль Е. «Душа России» родом из Сопочного // Абориген Камчатки. 2010. 25 нояб.

3. Подвижники возрождения и развития культуры народов Камчатки. Каталог передвижной портретной галереи подвижников, утвержденной Фондом компенсации (в пользу народов Севера). Вып. 1. Петропавловск-Камчатский : РИО КОТ, 1993. С. 17.

4. Кравченко В. Т. Тигиль, река времени... События, документы, воспоминания. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2012. С. 59.

5. Петрашова В. «Эльвелью» – 40 лет // Абориген Камчатки. 2010. 30 апр.

6. Уркачан Г. Прощай, вождь ительменов // Народовластие. 2012. 1 дек.

7. Дневник Бориса Жиркова // Абориген Камчатки. 2003. 20 марта.

И. В. Кисличенко БУТЫЛОЧНАЯ ПОЧТА И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЕЧЕНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ МОРЕЙ

Истоки бутылочной почты уходят в глубокую древность. Из бутылок, выловленных в море, люди узнавали о судьбах судов, их экипажей. Узнавали порою с большим опозданием. Так, 27 августа 1851 г. капитан Д'Обервиль поднял на берегу моря предмет, принятый им сначала за обломок скалы. Однако после осмотра и тщательной очистки предмет оказался бочонком из кедрового дерева, вымазанным смолистым веществом, содержащим кокосовый орех. Когда орех был вскрыт, то в нем нашли пергамент. Написанный текст на нем никто не мог понять. Лишь армянин-книготорговец за триста талеров прочитал древнюю испанскую рукопись.

«...Судам не выдержать другого дня бури; мы находимся между западными островами и Испанией, и для уведомления о себе написали и бросили в море два подобных документа в надежде, что если каравелла наша потонет, то какой-нибудь мореход, найдя тот или другой документ, доставит его по назначению...» (2, с. 93).

Эти строки были адресованы королеве Изабелле и принадлежат Христофору Колумбу, который оставил красочное описание бури, настигшей его на обратном пути во время первого плавания 12–17 февраля 1493 г. Бутылка была выловлена, но... через 359 лет.

История мореплавания знает сотни случаев, когда выловленные из воды или найденные на берегу бутылки приносили очень важные и порой единственные сведения о судьбе исчезнувшего судна и его экипажа. В 16-м столетии в Англии даже существовала должность «откупорщика океанских бутылок», а предыстория ее учреждения была следующей. В 1560 г. английский моряк

выловил сетью засмоленную бутылку. Удивленный столь необычным подарком моря, он разбил ее и за это поплатился своей жизнью. В разбитом сосуде содержался пергамент, адресованный королеве Елизавете I. Пергамент и осколок бутылки с рыбаком доставили под стражей в Лондон ко двору ее величества. В послании, которое оказалось доносом королевского шпиона, сообщалось, что голландские купцы высадились на островах Новая Земля, принадлежавших России. Королева была немало озадачена. Еще бы! Ведь за 7 лет до этого ее посланник Ричард Ченслор 24 августа 1553 г. на корабле «Эдуард – Благое Предприятие» вошел в устье Северной Двины, после чего по приглашению Ивана Грозного прибыл в Москву, где получил большие торговые привилегии. И в то время, когда английская королева с нетерпением ожидала возвращения из Северного Ледовитого океана торговой экспедиции своего второго посланника – Стивена Барроу, какой-то рыбак раньше ее узнает о вторжении в русские земли ненавистных ей голландцев. Королева приказала повесить рыбака, а по всей стране объявить, что впредь такая же участь будет ждать каждого британца, который осмелится разбить выловленную в море или найденную на берегу запечатанную бутылку. Видимо, восхищенная способом, каким ее агент переправил послание, Елизавета I и учредила при дворе должность «откупорщика океанских бутылок», в обязанность которого вменила сбор выброшенных морем на берега королевства бутылок, откупорку их и доставку ко двору найденных в них писем.

Должность «откупорщика океанских бутылок» существовала при английском дворе два с половиной века. При этом оставался в силе и закон о смертной казни для тех, кто осмеливался из любопытства разбить «стеклянного почтальона». Лишь в самом конце XVIII в., во времена Георга III, парламент отменил этот нелепый закон и странную должность. Однако с тех пор, в силу традиций, англичане относятся к найденным морским бутылкам с большим вниманием и даже, можно сказать, с почтением. В Англии, которая, как известно, островное государство и в которой почти каждая семья имеет непосредственное отношение к морю и кораблям, «бутылочная почта» пользуется особой популярностью. Англичане верят и знают, что «почта Нептуна» не только атрибут определенного литературного жанра, но и вполне реальная действительность. Этот дошедший до нас из глубины веков не совсем обычный способ почтового отправления широко применяется и в наши дни, имея немало приверженцев во многих морских странах мира (2, с. 94).

Иногда в выловленных бутылках содержались ценные, и порою единственные, сведения о пропавших экипажах судов и постигших их кораблекрушениях и катастрофах.

Многие сведения сохранившихся записок собраны Л. Скрыгиним в его работе «Из истории бутылочной почты». Приведу некоторые из них для того, чтобы показать важное значение этого «вида связи», порою единственного в прошлом, и преимущества использования современных технологий при обеспечении мореплавания кораблей (судов), проведении научных исследований.

В марте 1957 г. на северном берегу о. Ямайка нашли бутылку, из которой извлекли ветхую, потемневшую от времени старинную морскую карту с едва различимой надписью. Не без труда удалось разобрать текст на английском языке: «Июль 1750 года. “Бретрен оф Кост” горит в середине Атлантики. Напрасна надежда на спасение кого-либо из экипажа, кроме двенадцати, захвативших шлюпку. Моей матери Элизабет из Лондондери: не плачь обо мне. Моему духовному отцу Томасу Драйдену: позаботьтесь о матери и о моих младших сестрах. Стыдно смотреть вокруг. Смелые оказались негодьями, и плач их, похожий на плач младенцев, наполняет воздух. Чудовища морских глубин ожидают тех из нас, кто осмелится спастись вплавь. Мы в сотнях миль от берегов. Мой капитан безуспешно пытается поддержать порядок. Я ожидаю смерти молча. Всевышний да наградит нашего это письмо. Пожалуйста, передайте...» (5). Далее текст неразборчив.

12 марта 1841 г. парусно-колесный пароход «Президент», принадлежавший известной в свое время фирме «Бритиш энд Америкэн Стим Навигейшн компани», имея на борту 136 пассажиров и команду, направился из Англии в Америку. В порт назначения «Президент» не пришел, и в течение 8 месяцев о судне ничего не было известно. Но в конце года в океане подобрали плававшую бутылку. Содержащаяся в ней записка рассказала, что пароход «Президент», попав в сильный шторм, начал тонуть и что очень немногим удалось найти спасение в шлюпках. Вероятно, эта записка была написана одним из очевидцев катастрофы, находившихся в одной из шлюпок парохода, которая погибла позже (5).

В истории «бутылочной почты» нередко отмечались случаи, когда сообщение о гибели судна или о бедствии оказавшихся на необитаемом острове и доведенных до отчаяния людей находили спустя всего несколько недель и даже дней после катастрофы, во всяком случае раньше, чем удавалось обнаружить какие-либо следы, но, в основном, капризный царь морей хотя и доставлял эти депешки довольно точно по адресу, но с опозданием на целые столетия. Вот один из таких трагических случаев.

В 1784 г. японское пиратское судно отправилось в поисках добычи в сторону Филиппин. Многие месяцы пираты грабили купеческие джонки и сампаны (общее название небольших малайских, китайских и японских парусно-гребных лодок). Но однажды тайфун выбросил их корабль на необитаемый коралловый остров. Лишенные воды, пираты оказались обреченными на мучительную смерть. Один из них, по имени Хуносу Матсуяма, на деревянных дощечках написал иероглифами призыв о помощи, вложил их в стеклянный сосуд, запечатал его и бросил в море. Прошло более полутора веков... И вот в 1935 г. в песке, на берегу острова Кюсю, этот сосуд нашли. По иронии судьбы волны выбросили послание Матсуямы неподалеку от поселка Хиратемура, где он когда-то жил (5).

Впервые в научных целях бутылочная почта была использована французским путешественником Лагэньером. Возвращаясь в Европу с Антильских островов (Атлантический океан), он выбросил в воду 14 бутылок. Одну из них, брошенную в 47° с. ш. и 28° з. д., вскоре нашли на берегу Бретани, во Франции (4, с. 387).

Затем в 1802 г. английское судно «Рэйнбоу» возобновило этот способ изучения течений, который постепенно и вошел в практику исследований. Леонардо да Винчи когда-то писал: «Изучая движение воды, не забудь из каждого обнаруженного явления сделать вывод для практики, чтобы твоя наука не осталась бесполезной».

Принц Альберт I (Монакский) в 1885–1888 гг. для изучения Гольфстрима выбросил 1675 бутылок, из них нашлось 226 (13,5 %). А во время Первой мировой войны использовал бутылки для того, чтобы изучить картины течений в тех районах океана, где были боевые действия. Это было сделано с целью определить пути дрейфа многочисленных плавающих морских мин, которые представляли и представляют и по сей день большую угрозу для судоходства. Впоследствии по данным бутылочной разведки были построены карты течений и очерчены районы максимального риска (8).

Впоследствии тысячи бутылок выбрасывались в море различными исследователями. В бутылку добавляли немного песка для балласта и вкладывали бланк с указанием координат места выброски и просьбой к нашедшему бутылку сообщать место и время ее обнаружения.

Успех рыбных промыслов в прибрежной зоне многих стран зависел от изученности поверхностных течений. Исследования по изучению течений, в основном с использованием поплавков, для обеспечения рыбного хозяйства производились в Соединенных Штатах, Англии, Швеции, Норвегии, Германии и других странах.

В России бутылочная почта для изучения течений стала применяться только в начале XX в., хотя заинтересованность Гидрографического департамента в ее использовании проявилась намного раньше, с опубликованием в 1852 г. перевода инструкции британского контр-адмирала Ф. Бичи. Подготовка бутылки требовала определенных правил, а «запечатанные бутылки должны вмещать небольшое количество сухого песка, утвержденного на дне их, влитым воском или смолой, чтобы они стояли в воде прямо и не слишком бы легко плавали» (2, с. 100).

Циркуляр Главного гидрографического управления № 19 от 31 января 1889 г. гласил: «Главное Гидрографическое Управление, в дополнение циркуляра от 24-го декабря 1885 года за № 218, объявляет по Морскому ведомству, что Французский посол в Санкт-Петербурге, г. Лабуле, сообщил нашему Министерству Иностранных Дел, что Наследный Принц Монакский, в видах исследования направления океанских течений, предполагает снова спустить поплавки (Flotteurs); при этом г. Лабуле ходатайствует о сделании распоряжения, чтобы наши морские власти, в случае появления помянутых поплавков, доставляли заключающиеся в них бумаги в Париже, во Французское Министерство Иностранных Дел, для передачи Принцу Монакскому» (2, с. 100).

Вследствие сего, Г. Управляющий Морским Министерством приказал, чтобы командиры наших плавающих военных судов, а также портовые Управления, начальники спасательных станций и смотрители маяков на наших берегах, найдя такие поплавки, доставляли заключающиеся в них бумаги в наше Морское Министерство, с обозначением дня и места их находки и вообще всех сведений, относящихся до обстоятельств, в каких найден был поплавок, для пересылки этих бумаг по принадлежности через наше Министерство Иностранных Дел» (2, с. 100).

История бутылочной почты России неразрывно связана с именем Михаила Ефимовича Жданко и его гидрографическими работами в дальневосточных морях.

По инициативе М. Е. Жданко в 1907–1912 гг. с военных кораблей и судов торгового флота в Японском, Охотском морях и северной части Тихого океана было брошено около 10 000 бутылок. Анализ дрейфа бутылок позволил ему в 1912 г. построить карты «Вероятных путей бутылок, брошенных для изучения течений».

В 1913 г. М. Е. Жданко так вспоминал о «бутылочной эпопее»: «Шесть лет тому назад, после

войны, приступая вновь к работам на поприще гидрографии, которые во время военных действий были совершенно прекращены, я обратился ко всем морякам, плавающим в водах Дальнего Востока, с коротеньким воззванием, приглашая их приложить немного труда для изучения морских течений с помощью бросания бутылок с записками. Многие откликнулись, иные отказались» (2, с. 101).

В 1913 г. наблюдения над течениями в северной части Охотского моря производились с транспорта «Охотск» вертушкой Экмана (на якорных стоянках) или «обыкновенным прибором из банки и ведра». На переходах с транспорта и военными судами было выброшено 1 258 бутылок с записками, в 1915 г. – 316.

Через 78 лет бутылку с транспорта «Охотск» ГЭВО, брошенную в точке с координатами 50°38' с. ш. 140°56' в. д., нашла М. И. Ярычина в пляжной зоне о. Сахалин 13 августа 1988 г.

Особый интерес к работе Гидрографической экспедиции Восточного океана проявляли японцы. С просьбой в установлении постоянных контактов обращались даже с рыболовных станций: «Сэр, посылаем вам записку, вложенную в бутылку и выброшенную за борт крейсера “Аскольд”. Бутылка найдена на взморье деревни Хамамасу, Айслекари, Хоккайдо... Мы также выполняем гидрографические наблюдения и много тысяч бутылок с открытками выбрасывали с борта нашего парового дрейфтера “Фанкай”» (2, с. 101).

Не исчез этот интерес и в последующие годы после назначения в 1913 г. на должность начальника экспедиции Б. В. Давыдова и создания во Владивостоке Морской обсерватории, вопрос об учреждении которой поднимался еще в конце XIX в. (3, с. 201).

В 1913 г. Главное гидрографическое управление издало «Руководство для ведения гидрологических и метеорологических наблюдений на береговых станциях и плавучих маяках Морского ведомства», составленное Юрием Михайловичем Шокальским (3, с. 203).

Изучению морских течений с использованием бутылок посвящалась отдельная глава с конкретными указаниями по заполнению бланков и тщательному закупориванию бутылок. «Бутылку следует загрузить песком или мелким камнем с таким расчетом, чтобы, брошенная в море, она погрузилась до горла. Без этой предосторожности бутылка ляжет на бок и, плавая на самой поверхности, будет в большей степени зависеть от ветра, нежели течения». И далее в примечании: «Закупориванию и загрузке бутылок следует уделять особое внимание, ибо плохо закупоренная бутылка за время долгого пребывания в море может наполниться водою и утонуть; с другой стороны, могут утонуть и те бутылки, которые, будучи слишком загружены песком, попадут в прибрежную опресненную воду меньшего удельного веса, нежели имела вода в месте отправки бутылки» (2, с. 102).

В 1914 г. начальником Морской обсерватории ТОФ был назначен гидрограф-геодезист Н. П. Владимирский, отдавший много лет своей жизни исследованиям дальневосточных морей. Под его руководством в последующем обрабатывались материалы и строились карты «Вероятных путей...» за 1915–1916, 1917–1918, 1919–1921 гг. (1, с. 78).

С возобновлением гидрографических работ в 1925 г. продолжилось изучение течений Японского моря и залива Петра Великого. В 1997 г. при систематизации архивного материала 403 ГМЦ начальник Гидрометеорологической службы ТОФ Л. В. Кобылинский обнаружил рукописный экземпляр «Каталога бутылочной почты дальневосточных морей», составленный на 15 декабря 1947 г. в Морской обсерватории Тихоокеанского флота. Прошло 50 лет после его составления, прежде чем он был представлен широкой общественности. Как и брошенная в море бутылка для изучения течений, «Каталог...» нашелся через 50 лет на «берегу», название которому... архив Гидрометеорологического центра ТОФ (3, с. 210).

Бланки бутылочной почты в основном собирались в Морской обсерватории Тихоокеанского флота. Благодаря инженеру-капитану В. Н. Попову они были сохранены, а в дальнейшем была проведена их обработка и систематизация. Все данные о координатах, датах, наименованиях мест нахождения тщательно проверялись, на прилагаемых картах вычерчивались вероятные пути бутылок и вычислялись их вероятные скорости движения. Определение местонахождения бутылок на берегах иностранных государств, их транскрипция и снятие координат мест нахождения производились квалифицированными переводчиками штаба флота.

При составлении «Каталога бутылочной почты дальневосточных морей» использовались следующие источники:

1. Бланки бутылочной почты, извлеченные из бутылок.
2. Общий журнал бутылочной почты Гидрографического отдела ТОФ.
3. Ведомость бутылочной почты (машинопись) шхуны «Россинантэ» (преимущественно 1936 г.).

4. Телеграфные извещения.
5. Журнал бутылочной почты ГО ТОФ, начат в ноябре 1937 г.
6. Журнал для записи бутылочной почты 1938 г.
7. Ведомость бутылочной почты Японского моря (приложение к записке «Бутылочная почта в Японском море и заливе Петра Великого» – неизвестного автора).
8. Журнал бутылочной почты 1941 г. Г. Клевенского.
9. Журнал с записью выброшенных бутылок в 1939 г.
10. Ведомость (один лист) бутылочной почты по отчетам начальников уездного управления Командорских островов (копия без подписи) (3, с. 211).

Изучение течений с использованием бутылочной почты продолжалось и в послевоенный период, вплоть до 1955 г. Начальник Гидрометеорологической обсерватории (Советская Гавань) инженер-подполковник М. М. Оганов для изучения течений в Татарском проливе выбросил около 1 000 бутылок с записками, из которых было найдено 202. Записки хранятся в архиве 403 ГМЦ ТОФ (2, с. 103).

В Японии в 1940–1941 гг. с целью изучения путей миграций лососевых рыб к берегам Камчатки было брошено в море около 2 000 бутылок. Чтобы ускорить нахождение бутылок, к ним стали прикреплять на веревке в полметра длиной железный якорек, который зацепится за сети, в большом количестве выставляемые на путях подхода лосося в реки Камчатки для нереста. Это приспособление оказалось очень эффективным: многие из выброшенных бутылок были выявлены самими же японцами в открытом море. Это позволило им составить довольно точные карты течений в прилегающих к Камчатке районах: в Кроноцком и Камчатском заливах, у юго-западных и юго-восточных берегов Камчатки и у Командорских островов. Оказалось, что пути миграции лосося во многом определяются распределением и интенсивностью этих течений (6).

Зафиксированный рекорд по дальности путешествий, совершенных морскими посланиями, принадлежит бутылке, опущенной в воду Тихого океана 27 мая 1945 г. 3 декабря 1968 г. ее подобрала на берегу о. Силт (Германия), и за это время она проделала путь длиной в земной экватор – сорок тысяч километров (7).

Бутылки, брошенные М. Е. Жданко, находили и в наше время. Никем не обнаруженные, они много лет лежали на морском берегу. Конечно, такого рода находки уже не представляют большого интереса для науки: нельзя определить скорость, с которой некогда дрейфовала бутылка, так как неизвестно, когда волны выбросили ее на берег. Да и о направлении течения можно судить весьма приблизительно, поскольку при определении вероятных траекторий бутылок всегда надо учитывать скорость их дрейфа (6). Однако находка таких «старых» бутылок всегда радует, как напоминание о большом и нужном начинании наших дедов и отцов по освоению некогда пустынных и неисследованных дальневосточных морей.

1. Коа И. Викинги, короли морей. М. : Изд-во Астрель, 2003. 176 с.
2. Кобылинский Л. В. Гидрографические и гидрометеорологические исследования Тихого океана. СПб. : ЦКП ВМФ, 2006. 525 с.
3. Кобылинский Л. В. История создания и развития Гидрометеорологической службы на Тихом океане. СПб. : ЦКП ВМФ, 2004. 194 с.
4. Шокальский Ю. М. Океанография. Л. : Гидрометиздат, 1959. 537 с.
5. Скрыгин Л. Из истории бутылочной почты. [Электронный ресурс] : <http://www.TBN.ru>;
6. Бутылочная почта. [Электронный ресурс] : <http://www.detskiysad.ru/raznlit/okean04.html>.
7. Бутылочная почта Нептуна. [Электронный ресурс] : <http://www.proza.ru/2009/01/25/656>.
8. Бутылочная почта. [Электронный ресурс] : <http://han-samoilenko.narod.ru/questions/mareene/018.htm>

Т. И. Ключина ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ БОРЩЕВИК

Все живущие на Камчатке с детства знают растение, которое вызывает ожоги – борщевик.

Борщевик (лат. *Heracléum*) – род растений семейства Зонтичные, насчитывающий приблизительно 60–70 видов, распространенных в умеренном поясе Восточного полушария, в Северной Америке, на Дальнем Востоке. Борщевики – преимущественно двулетние, реже многолетние травы. Стебли у разных видов возносятся на различную высоту – от 20–50 до 250 см иногда достигают